

11. Крижанська О.М. Яким буває червоне (символічні кольороназви в українській мові). *Українська мова і література в школі*. 2001. №2. С. 22–25.
12. Половинкіна М.І. Семантика та прагматика кольороназв у польському поетичному дискурсі (кінець XIX – перша половина XX століття) : 10.02.03 – слов'янські мови : дис. на здобуття наук. ступеня канд. філ. наук. Київ, 2015. С. 58.
13. Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб. : Речь, 2004. 672 с.
14. Словник символів культури України / за заг. ред. В.П. Коцура, О.І. Потапенка, М.К. Дмитренка. Київ : Міленіум, 2002. 260 с.
15. Словник української мови: в 11 т. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред І.К. Білодіда. Київ : Науков думка, 1970–1980. Т. 5. С. 701.
16. Українка Леся. Над морем (Оповідання). URL: <https://onlyart.org.ua/ukrainian-poets/lesya-ukrayinka/lesya-ukrayinka-nad-morem/>.
17. Шегеда О.П. Символіка кольору у творчості Лесі Українки. *Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка*. 2001. Вип. 7. С. 158–161.
18. Шулінова Л. В. Словесна поетика Лесі Українки (поетизація семантики кольору) : дис. на здобуття наук. ступеня канд. філ. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова». Київ, 1999. 247 с.

Лецинская О.А.

*доктор филологических наук,
профессор кафедры белорусского языка
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КАПУСТЕ В ЗЕРКАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Аннотация. В статье представлен анализ фразеологизмов белорусского языка с компонентом капуста как репрезентантов гастрономического кода культуры белорусов, выявлено, как во фразеологизмах через аналогию с образами одной из огородных культур выражается и характеризуется представление о разных сторонах жизни человека, как правило, его действиях, их признаках.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент капуста, образ, способ мышления, средства представления, экспрессивность, оценочность.

Leshchynskaya O.A. National Ideas about Cabbage in the Mirror of Phraseological Images. The article presents an analysis of phraseological units of the Belarusian language with a component of cabbage as representatives of the gastronomic code of the culture of Belarusians, reveals how, through an analogy with the images of one of the garden crops in phraseological units, the idea of different aspects of a person's life, as a rule, his actions, their signs is expressed and characterized.

Key words: phraseological unit, cabbage component, image, way of thinking, presentation means, expressiveness, evaluativeness.

Гастрономический код культуры является одним из основных при выявлении национально-культурного отличия народов, что объясняется ролью еды в жизни человека вообще, но особенно употреблением основных национальных продуктов, наименований блюд, преемственностью способов их приготовления на протяжении всей истории народа в частности. Именно неизменность основных показателей национальной гастрономической приверженности служит основой определения особенностей менталитета и является притягательной для исследования гастрономических совпадений и отличий, связанных с выбором продуктов, их вкусовых качеств, рецептуры, приготовления как основы образов фразеологических единиц (далее ФЕ).

Сегодня гастрономическая тематика исследований разнообразна: она посвящена еде вообще [2], особенностям национальной кухни, например, испанской [9], вьетнамской [3], белорусской [6; 7; 8], вкусовых метафорам [5], отдельным компонентам-трофонимам (от гр. *trophe* = еда, питание) в составе ФЕ [1; 4] и др.

Объектом изучения в рамках предложенной статьи избраны ФЕ с компонентом-трофонимом *капуста*, иллюстрирующие образное мышление народа, отражающие знания и сведения и погружающие их в широкий контекст культуры народа.

Капуста как привычный с давних времён растительный продукт питания используется для приготовления салатов, гарниров, в качестве добавки в супы и даже отдельного вида супа – *капуста*, применяется в кулинарии, капусту по-разному готовят – тушат, запекают, варят, фаршируют, засаливают, квасят. Капуста ценится и своими лечебными свойствами, при правильной обработке и хранении хорошо сохраняет витамины в зимний период. Всё это способствовало символизации лексемы

капуста, происхождение которой связывают с лат. *caput* – ‘голова’ и которая в белорусском языке фиксируется с двумя значениями: ‘огородное растение, листья которого свиваются в кочаны, а также сами кочаны, используемые для питания’ и ‘вареная пища из покрошенного кочана этого растения’. Лексема *капуста* в народном сознании приобрела тот устойчивый смысл в культуре, стала характеризоваться тем «ценностным содержанием, вырабатываемым в культуре», и служить «знаковым заместителем культурного смысла» [4, с. 229]. Именно это стало основой использования лексемы во фразеологии при создании образов новых единиц языка. Правда, из выявленных 12 ФЕ белорусского литературного и диалектного языка две использованы в качестве диалектных ботанических наименований: *зайцава /заяча капуста* ‘растение расходник’ и *лугавая капуста* ‘бобовник’. Остальные дают наименование, характеризуют представления о действиях человека и выражают отношение к таковым или дают эмоциональную оценку признаков таких действий человека, степени интенсивности их проявлений.

Среди всех ФЕ с компонентом *капуста* семь глагольных единиц. Так, семантической основой ФЕ *сшаткаваць на капусту* ‘сильно избить кого-н., разделаться с кем-н.’ послужила сема ‘мелко и много резать’. ФЕ обязана практике подготовки капусты в связи с её многолиственной структурой, когда необходимо нарезать эти листья на большое количество мелких полосочек, что ассоциативно перенесено на способ расправы, избияния кого-либо. ФЕ соотносится не только с гастрономическим и растительным (*капуста*) кодами культуры белорусов, но и с антропо-действенным (действие осуществляет человек), а ещё и с духовным, представляющим совокупность нравственных ценностей, установок и представлений, согласно которым жестокое обращение с человеком предосудительно. В основе образования ФЕ лежит переосмысление выражения в результате действия метафоры, уподобляющей нанесение полос (ср. бел. *с-палас-аваць* кого ‘побить сильно (пугой, бизуном), оставив на теле рубцы, шрамы’) к нарезанию (*шаткаванню*) капусты. Образ ФЕ воспринимается на фоне универсального правила культуры, согласно которому с человеком нельзя обходиться так, как с капустой. В результате ФЕ образно и зримо передаёт представление народа о жестокости наказания, расправы с кем-либо.

К предыдущей единице присоединяется ФЕ *на капусту* ‘полностью, на мелкие части’, иллюстрирующей эллиптический способ образования ФЕ от глагольной ФЕ *сшаткаваць на капусту* и служащей для образного и узнаваемого восприятия интенсивности проявления действия, меры его как характерной черты наречных ФЕ (*На даўняй Нямізеіх [ворагаў]*

слаліснапамі, крышыў на капусту іх Віцебск мячамі, у Полацку варам варылі з валоў). Таким образом, ФЕ *на капусту* приобрелароль эталона, меры силы и результата жестокого избияния кого-либо.

Новое образное представление о капусте отражено в глагольной ФЕ *ссячы капусту* ‘заработать много денег’, образованной на основании ассоциативного восприятия: зелёный цвет капусты ассоциируется с зелёными долларовыми купюрами, наличие большого количества листьев в структуре кочана – с множеством денежных купюр. Следовательно, сечение кочанов капусты с поля ассоциируется человеком с получением большой оплаты своего труда, большого денежного дохода. Таким образом, в основе образа ФЕ лежит «капустная» метафора – уподобление ссечения кочанов капусты получению больших денег (*Калі паедзяш і знойдзяш добру работу, то ссячэши капусту, але гэта рэткакаму ўдаецца*).

Связь капусты с деньгами на основании ассоциативной связи цвета листьев и денежных купюр очевидна и при создании образа ФЕ *граць на капусту* как устойчивого выражения о народном обычае, когда на свадьбе музыканты поздравляют жениха и невесту, сватов и гостей музыкой, получая за это большую оплату (*Заказвая хто што хоча. Вот яны [музыкі] і граюць на капусту, зьбяруць трохі грошай, і па чарці дастанецца*). Опорный глагольный компонент *граць* в составе ФЕ частично сохраняет своё значение ‘исполнять что-либо на музыкальном инструменте’, а предложно-именная конструкция ФЕ ассоциативно переосмысливается как ‘на деньги’. ФЕ *граць на капусту* образно отражает стереотипное представление о таком обычае, являющимся неотъемлемой частью белорусского свадебного обряда в прошлом, как сбор денег музыкантами, которые сами «оплачивали» своё участие во время свадьбы.

В основе образа глагольной ФЕ *пускань казла ў агарод / у капусту* ‘допускать кого-н. туда, куда он стремится и где он наиболее опасен’ лежит переосмысление другой ситуации. Известно, что капуста притягательна для животных, но посещение ими огорода или капусты как одного из растений на огороде ведёт к убытку, наносит вред хозяину, и таким из числа домашних животных избран козёл, наделённый в сознании народа символом тупости, упрямства и вредности. Выбор исходного образа наглядно иллюстрирует метафоризацию как способ мышления человека, когда одна языковая единица переосмысливается при опоре на смысловое содержание другой. И как нельзя пускать козла в огород, так и нельзя это делать относительно человека, который заведомо принесёт только вред (*Але ж выбраць Збанана месникам гэта ўсёроўна, што пусціць казла ў капусту!..*). В результате ФЕ *пускань казла ў агарод / у капусту* служит для

высказывания иронии относительно желания кого-либо или способствования кому-либо попасть в такое место, куда он совсем не годится, так как обязательно принесёт вред, убытки.

Две глагольные ФЕ с компонентом *капуста* образно и зримо доводят ещё одно представление белорусов по аналогии с капустой. Это ФЕ *змяшаць / перамяшаць капусту з гарохам* ‘всё перепутать’ и *мяшаць / змяшаць гарох з капустай* ‘сказать без смысла, нелогично’, где опять высока роль общего глагольного компонента, частично сохраняющего своё значение – ‘мешая, перемешивая, соединять во что-либо одно разнородное’ или ‘нарушить порядок размещения чего-нибудь; перепутать, перемешать’ и служащего фразеологизации выражения. А выбор капусты и гороха как объектов смешения – это наглядное представление того абсурда в речи или мышлении говорящего, поскольку очевидна разница капусты и гороха хотя бы по размеру, внешнему виду. Переосмысление избранного словосочетания происходит на основании ассоциативной связи, и таким образом смешения капусты с горохом доводится информация о любом смешении чего-нибудь или нарушении правил и норм организации речи, передачи содержания (*Ні мішай гарох с капустай, а толкам гавары*).

Ещё одна ассоциация с капустой представлена в единственной компаративной диалектной ФЕ *як свіння ў капуце* ‘совсем не (разбираться)’, образованной в результате фразеологизации сравнительного оборота и используемой в качестве образа-эталона высокой степени или полного отсутствия у человека понимания чего-нибудь с целью выражения иронии, насмешки относительно такого уровня непонимания (*Што ты яго пытаеш, ён у гэтых матацыклах разбіраецца як свіння ў капуцы*). Унизительность и даже оскорбительность насмешки передана в ФЕ благодаря выбору лексемы-компонента *свіння*, за которой в результате действия антропоцентрического принципа, в соответствии с которым «человек – мера всех вещей» и который «проявляется в создании эталонов, или стереотипов, служащих своего рода ориентирами в количественном или качественном восприятии действительности» [10, с. 174], закреплена символика грязи, тупости, ограниченности. А выбор капусты – это, с одной стороны, дань всем известному овощу, с другой – усиление негатива о степени отсутствия умственных способностей: даже такого простого не знает, не понимает. В результате основное место в семантике ФЕ приобретает сема ‘совсем’ (ср. ‘очень’, ‘слишком’ и под.), характерная адвербиальным ФЕ. Таким образом, ФЕ *як свіння ў капуце* приобрела роль эталона, той высокой степени отрицания наличия ума, понимания чего-нибудь и служит насмешке и иронии.

Заключаєт анализ ФЕ с компонентом *капуста* диалектная ФЕ *капусцяная галава* 'неумный, несообразительный человек', образованная по широко известной модели «прилагательное + *голова*» (ср. *куруная галава, дубовая галава, дзіравая галава, пустая галава, галава садовая*). Основой образования новой единицы послужила ассоциативная связь формы головы человека и кочана капусты: недалёкий, нерасторопный человек уподобляется кочану капусты, или человек – *капусцяная галава* как наименование, характеристика и оценка умственных способностей человека. Компонент *галава* через часть представляет человека и выступает как символ ума человека, наличия умственных способностей, а компонент *капусцяная* низводит умственные способности, дав им отрицательную оценку из-за их отсутствия (*Капусцяная галава... Забыўся, што ў матулі день нараджэння*). В основе ФЕ лежит известное уподобление кочана капусты голове тупого, неразумного человека на основании подобия формы и размера, тем самым уже неся негатив. Через принадлежность головы капусте, благодаря народному словотворчеству (*капуста* + *-ян-* → *капусцяны*), образована новая ФЕ, что своим образом доводит новый смысл и оказывает эмоциональное воздействие. А в результате ФЕ выступает в роли ещё одного народного эталона-наименования недогадливого, недалёкого человека (ср. *Алёша з батонамі; асёл маляваны; куст альховы; медны лоб; мех з саломай; пень асінавы* др.).

Как видим, анализ ФЕ с компонентом *капуста* показывает, что наибольшее место в белорусской фразеологии занимают диалектные (из 12 только 2 литературные), а диапазон символического культурного смысла тропонима *капуста* воздействует на их частотность в народных фразеологизмах. Образы ФЕ с компонентом *капуста* как репрезентантов растительного и одновременно гастрономического кодов культуры белорусов иллюстрируют наблюдения, знания человека о ценности этой культуры, ее использования в питании, образное метафорическое мышление, аналогию между конкретным восприятием капусты и абстрактными понятиями, ассоциативные связи для создания новых образных единиц языка.

Літэратура

1. Бурукина О.А., Лещинская О.А. Культурные коды в русских и белорусских фразеологизмах со стержневыми компонентами-тропонимами. *Культура и цивилизация. Журнал по культурологии*. 2019. Т.9. №6А. С. 85–97.

2. Веденина Л.Г. Человек и его пища. *Лингвострановедение : Методы анализа, технология обучения*. Шестой Межвузов. семинар по лингвострановедению : сб. научн. статей. Ч. 2 / под общ.ред. Л.Г. Ведениной. Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России. М. : МГИМО-Университет, 2009. С. 174–240.
3. Глазунова С.Е. Национальная вьетнамская кухня как отражение культурных и философских традиций. *Лингвострановедение: Методы анализа, технология обучения*. Шестой Межвузов. семинар по лингвострановедению: сб. научн. статей. Ч. 2 / под общ.ред. Л.Г. Ведениной. Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России. М. : МГИМО-Университет, 2009. С. 15–72.
4. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. 2-е изд.. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 456 с.
5. Костяев А.И. Вкусовые метафоры и образы в культуре. М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. 160 с.
6. Ляшчынская В.А. Пра хлеб і да хлеба: Веды і вопытбеларусаў у фразеалагічныхадзінкахмовы. *Роднае слова*. 2011. №10. С. 38–42.
7. Ляшчынская В.А. Эталоны і стэрэатыпы ў беларускіх саматычных фразеалагізмах: есці на поўны рот ці на зуб? *Слов'янська писемність у контексті християнської культури: матеріали круглого столу до Дня слов'янської писемності та культури*. Миколаїв : МНУ імені В.О. Сухомлинського, 2013. С. 134–139.
8. Ляшчынская В.А. Трафонімы ў фразеалогіі як адлюстраванне культуры беларусаў. *Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник статей по материалам Международной научной конференции / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.]. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2019. С. 374–383.*
9. Мед Н.Г. Национально-культурная специфика испанских фразеологизмов с гастрономическим компонентом. *Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов*. М. : МАКС Пресс, 2014. Вып. 50. С. 216–222.
10. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. *Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебrenников, Е.С. Кубрякова, В.И. Поставалова и др.* М. : Наука, 1988. С. 173–203.